

Серов Валентин Александрович

Переписка 1884-1911

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В15

В15 **Валентин Александрович С.**
Переписка 1884-1911 / Серов Валентин Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 442 с.

ISBN 978-5-519-73372-4

ISBN 978-5-519-73372-4

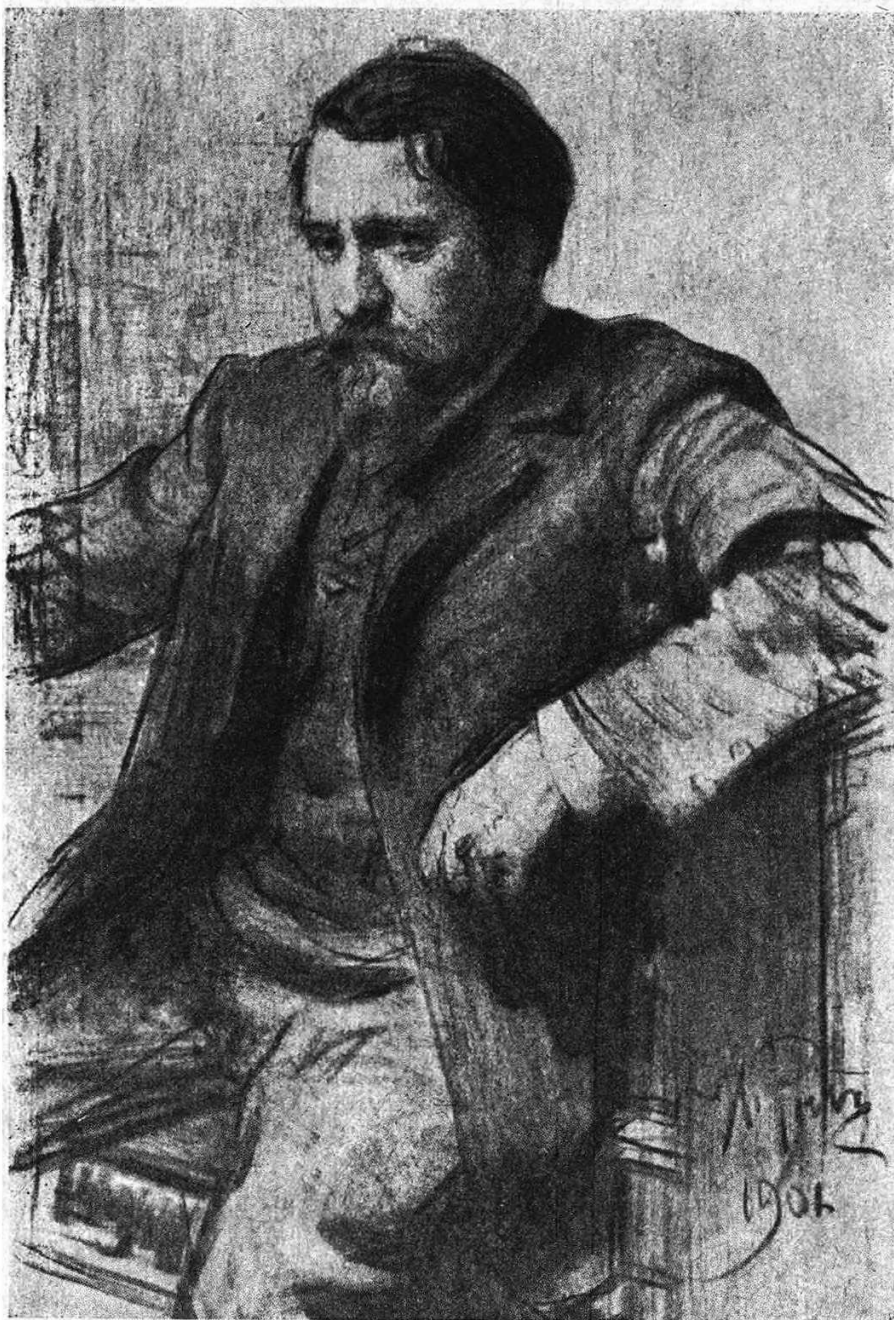
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Портрет В. Серова работы худ. И. Репина
1901 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„Переписка“ охватывает почти все годы творческой жизни крупнейшего русского художника-реалиста Валентина Александровича Серова— (1884—1911 гг.).

„Переписка“ разбита на две части: „Письма В. А. Серова“ и „Письма к В. А. Серову“. Внутри каждой части письма расположены в хронологическом порядке, по адресатам, что дает возможность проследить постепенный рост личности Серова как художника. Этот принцип соблюден и в расположении писем к каждому адресату.

Особенности орфографии и пунктуации В. А. Серова и его корреспондентов всюду сохранены, за исключением изменений, внесенных новой орфографией.

В квадратные скобки заключены даты, установленные при редактировании писем.

В такие же скобки заключены слова или окончания слов, введенные в текст при его обработке.

В „Приложениях“ даны некоторые официальные материалы, написанные В. А. Серовым.

Примечания, помещенные в конце книги, дают фактические сведения, необходимые при чтении писем, которым предпосылается статья общего характера о Серове и его переписке.

В. А. СЕРОВ И ЕГО ПЕРЕПИСКА

Переписка художника В. А. Серова впервые издается в столь полном объеме. Она охватывает широкий круг людей, с которыми Серов был связан личными и деловыми узами. Переписка, приводимая в настоящем издании, относится к самому интересному периоду жизни художника: начиная от середины 80-х годов XIX в., периода его творческого формирования, и кончая годом его смерти (1911 г.) в расцвете славы и таланта.

В письмах к О. Ф. Трубниковой и И. С. Остроухову с особенной полнотой раскрывается жизненный облик Серова, эволюция его личности, его художественных интересов, особенности его творчества, бытовая и профессиональная обстановка его жизни и работы.

В письмах Репина и Чистякова, крупнейших деятелей художественной культуры эпохи, и особенно самого Серова к Чистякову затрагиваются творческие вопросы, важные для понимания художественной практики Серова.

В переписке Серова с Дягилевым, Александром Бенуа, Бакстом — основными представителями „Мира искусства“ — дается богатый и живой материал, иллюстрирующий ту напряженную борьбу

на художественном фронте, которая велась в 90—900-х годах.

Наконец, особое место занимают письма и телеграммы учеников Академии и Училища живописи Серову, проливающие свет на ту общественную роль, которую играл Серов как художник и педагог.

Переписка Серова облегчает понимание сложного психологического и творческого облика крупнейшего живописца дореволюционной России и художественной культуры его эпохи.

В настоящее издание вошли письма из архивов О. В. Серовой, Гос. Третьяковской галереи, Гос. Русского музея, а также Ленинградского отделения Центрального исторического архива. При обработке писем и составлении комментариев были использованы ценные указания О. В. Серовой. За содействие в работе автор примечаний выражает глубокую благодарность О. В. Серовой и сотрудникам вышеуказанных архивов: А. Н. Щекотовой, В. Н. Петрову, Н. Г. Галкиной, А. И. Бродскому, Э. И. Ремус, а также С. А. Де-тинову.

В. А. Серов принадлежал к той категории художников очень большого творческого напряжения, вся жизнь которых определяется выбранной ими профессией. Личная жизнь Серова и искусство — одна живая ткань. Будучи еще ребенком, он уже готовится стать художником, он играет, рисуя. Юношей, осознав в себе художника, Серов подчиняет свои личные переживания, свои мечты о личном счастье — задачам усовершенствования себя на избранном пути. Вся окружавшая его с детства обстановка толкала его на единственный

путь — путь искусства. Раз вступив на трудный и увлекательный путь живописца, Серов без колебаний, без малейшего отступления в сторону идет по этому пути с редким упорством и целеустремленностью. Поэтому-то так поучительна жизнь этого художника, почти лишенная ярких захватывающих событий, но вся посвященная искусству. Поэтому-то так интересна его переписка прежде всего художнику; в ней не так-то уж много непосредственных высказываний об искусстве, но в каждом письме ощущается прежде всего художник — работает ли он над портретом, едет ли он с розой (непременно с розой) в руках в Ватикан, смотрит ли в Испании бой быков, волнуется ли в Биаррице от непрекращающегося шума океана, страдает ли от разгрома русской революции. Он весь в думах о своем мастерстве; презирая николаевскую действительность, он полон мечтой о свободном творчестве, он насыщен очарованием великих произведений искусства прошлого.

Серов был профессионалом-художником в лучшем значении этого слова. „Художником был он не только прежде всего, но и исключительно, — писал о Серове Валерий Брюсов, — у него была душа художника, глаза художника, руки художника“.

Но это вовсе не значит, что Серов был ограниченным, узким специалистом. Напротив, скитаясь из страны в страну, из музея в музей, с ненасытной жадностью расширял и расширял он свои познания в области общеевропейской художественной культуры. Родившись в отсталой стране, он хотел быть наследником лучших созданий человеческого гения. Серов много читал, по-настоящему любил и знал музыку, знал театр, глубоко интере-

совался историей, изучал в подлинниках античное, итальянское, французское, немецкое, английское, испанское искусство, знал и любил русскую старину, в последние годы увлекался старинной иконой. Серов творчески овладевал наследием, копируя Веласкеза и Тициана, зарисовывая Микель-Анджело, привлекая к работе широкий музейный и археологический материал. Тем интереснее и дороже Серов советскому художнику — подлинному наследнику мировой культуры. Тем глубже вдувается советский художник в те вдохновенные строки, которые Серов, обычно молчаливый и скромный, очень осторожный в своих оценках, посвящает в своих письмах мастерам итальянского Возрождения или испанским реалистам. Он находит слова настоящей нежности и любви, когда, как о близких себе людях, говорит о Тициане, Веласкезе или о похищенной Джоконде. Серов был гуманистом в том значении слова, которое применяется сейчас у нас в отношении лучших мастеров европейской культуры. В этом была сила и слабость Серова: мечтая всю жизнь о свободе индивидуальности, о безграничном развертывании творческих сил человека, Серов не искал выхода в активной политической борьбе. Но он задыхался в условиях николаевской России, он глубоко страдал от всей системы угнетения человеческой личности, с чем он сталкивался на каждом шагу на родине.

В парламентарной Европе, далекий от ее классовой борьбы, Серов находил иллюзию личной свободы. Но и там, во дворцах и музеях, очарованный Римом, Элладой или испанской экзотикой, он несет в себе тоску и боль за униженную родину, за разгромленную революцию.

Он тосковал о подлинной и великой школе искусства, которой не было в России и которую он тщетно искал за границей. Рожденный в эпоху разложения реализма в России, он с необычайной для буржуазного художника чуткостью прозревал и в Европе нарождавшийся кризис буржуазной культуры. Этот кризис он чувствовал прежде всего как художник. В его письмах встречаются очень резкие оценки современной ему европейской архитектуры, оперы, балета, музыки, живописи (письмо 155 и др.).

И нет сомнения, что, доживи Серов до наших дней, он пережил бы и кризис и крах буржуазного гуманизма с той остротой, которая характерна для лучшей части европейской буржуазной интеллигенции, и вместе с ней нашел бы в себе мужество отречения во имя идеалов социализма.

Реалист, необычайно ясный и логичный в каждом своем художественном решении, Серов представлялся современной ему критике фигурой загадочной и трагичной. Сложность и противоречия художника Серова — несомненны. Только в свете нового мировоззрения, обнажившего социальные корни и судьбу буржуазного гуманизма конца XIX — начала XX вв., может быть раскрыта загадка этой крупной творческой индивидуальности, безнадежно тосковавшей о больших и действительных людях, о больших идеях, о великом, правдивом искусстве, о прекрасной, как искусство, жизни.

Сложные и подчас трагические явления, которые протекают сейчас в буржуазной европейской культуре периода ее величайшего кризиса, намечались в той или иной степени и в эпоху Серова. Сейчас они очевидны и на-

шли свое логическое завершение. Тогда они были скрыты, но уже давили на сознание наиболее восприимчивых художественных индивидуальностей.

Врубель, Серов глубоко страдали от неясного сознания своей обреченности и обреченности своей культуры. Чувство неудовлетворенности постоянно сопровождало их творческий процесс. Отсутствие подлинной традиции, отсутствие школы, отсутствие устойчивых „вечных“ принципов, которые можно было бы положить в основу своей художественной практики, — тяготило крупнейших мастеров 90—900-х гг. XIX в. Одиночество художника стало обычным психологическим ощущением каждого крупного мастера. Оно стало бытовым явлением. Врубель, легко отрываясь от современности, уходил в фантастические „искусственные“ миры. Серов как реалист сохранял во всех своих эстетических перипетиях связь с живой действительностью, в той или иной мере откликаясь на общественную борьбу его эпохи. Однако и он чем дальше — тем больше отгораживался от жизни искусством, утончая свое восприятие, эстетизируя свои художественные образы. Искусство становилось надежным заслоном, прикрывающим и затушевывающим острейшие противоречия действительности, а сам художник, „весь российский кошмар втиснув в грудь“, погружался в созерцание прекрасного, превращался „в артиста чистой воды“ (письма 56 и др.).

Такова была трагедия русских гуманистов 90—900-х гг., противопоставлявших жизни отвлеченные идеалы.

В письмах Серова весь этот процесс нашел свое конкретное, живое отражение. Эти письма правдивы, искренни. Серов писал, не рассчитывая